

Я мужчина, как говорится, в самом расцвете сил. Ну, или средних лет, как часто, смеясь, поправляет меня старшая сестра. В одном мы с ней единокорупны: я так и не повзросле. А когда за открытым окном бушует душистая весна, воспоминания захлёстывают меня и отправляют в то цветущее время, когда мне было 13 лет.

Будучи хилым и бледным городским жителем, с середины мая я ежегодно отправлялся с родителями в деревню, подальше от городской суеты, дыма заводских труб, шума вечно спешащих автомобилей.

По утрам, проснувшись и немного попрыгав, как на батуте, на железной кровати с пружинистой сеткой, я выглядывал в окно, чтобы насладиться свежестью чистого деревенского воздуха, роскошью утопающих в зелени деревьев и птичьими трелями. Тут царили простор и покой. Именно здесь, без каких-то обязанностей и ограничений, я чувствовал себя по-настоящему живым. И свежие фрукты с деревьев, и овощи с грядок небольшого огорода, составлявшие практически весь мой рацион, питали мой растущий организм и давали ощущение необычайной лёгкости и невероятной силы.

Ежедневно я выбирал себе новую вершину, которую покорял для того, чтобы вдоволь насытиться вызревшими на

верхушке вишнями, абрикосами, сливами (дед всегда говорил, что на макушке солнышко целует ягодки чаще, поэтому там они самые вкусные). И лишь одно дерево – невысокую черешню, отделявшую наш дом от пустующего соседнего, – постоянно обходил стороной. Оно казалось мне хранителем границы наших и чужих владений, справедливым великаном, замершим на своём посту.

Но этот год был особенным. Я чувствовал, как налились силой мои мышцы, как порой начинало колотиться моё сердце в предвкушении подвигов.

В сумерках мы подъехали к дому. Наскоро собранный матерью ужин закончился, и меня отправили отдыхать после утомительной дороги. Было душно, и я распахнул окно.

В свете фонаря ветви неподвижного дерева-хранителя казались зелёными, а крупные плоды напоминали голубые бусинки или фонарики заблудившихся в листве эльфов. Цель была обозначена, и я торопил время, чтобы скорее отправиться на подвиги.

Спозаранку я вскочил с постели и, поёживаясь от утренней свежести, на цыпочках, чтобы не разбудить родителей, выскользнул во двор. Давно не кошенная трава и не стриженные кусты обиженно царапали кожу, оставляя кое-где красноватые полосы. Но я нещадно лупил противников палкой и довольно быстро продвигался к цели.

Взобравшись на самый верх, я увидел за забором распахнутое окно. Глядя на соседний дом, я всегда вспоминал горожан, скитающихся по съёмным квартирам, и думал, что вот здесь, в пустующем, но добротном доме они вполне могли бы уютно устроиться.

Одну за другой отправляя в рот спелые янтарные ягоды с розоватым румянцем на аппетитных бочках, я пытался представить, сколько комнат в том доме и скольким семьям одновременно он мог бы служить пристанищем.

Вдруг мои фантазии рассеялись. Я не заметил, как в окне появилась греческая богиня, едва прикрытая белоснежной простынёй. На округлых мраморных плечах в золотистых лучах рассвета играл такой же спелый розоватый румянец, как на ягодах, которые я, не считая, оправлял в рот. Я сорвал несколько и, не отдавая себе отчёта, повесил их себе на уши как серёжки. Покачнувшись, я понял, что соскальзываю с ветки, и это заставило меня вздрогнуть и вжаться в её изгиб, напрягая все мышцы.

Статуя в окне медленно повернулась, демонстрируя роскошные волны кудрявых волос, рассыпавшиеся по плечам, но не скрывающие мраморной белизны тонкого стана. Она была настолько хрупка, что казалось, будто даже одна съеденная ею черешенка может испортить чистоту и гармонию линий и девушка станет похожей на беременную.

Таинственная фигура в окне исчезла, а я стал прислушиваться к своему телу, у которого оказались до сих пор незнакомые мне мышцы.

Вдруг откуда-то снизу послышался нежный хрустальный голос:

– Мальчик, может, ты и меня угостишь черешней?

Холодок ужаса пробежал по моей спине. Как девушка могла оказаться под деревом, если дверь дома по-прежнему была закрытой? Тем не менее это была она, и простыня всё так же небрежно прикрывала её наготу. Я сбросил вниз веточку, которая ещё до появления незнакомки казалась мне очень живописной. На ней в букете зелёных листьев особенно прекрасны были крупные бусины янтарных ягод. Девушка с удовольствием съела черешню, а косточку держала между пухлыми губами. Я не мог отвести глаз от её губ. Незнакомое чувство охватило меня, и мелкая дрожь электрическим разрядом пронзила моё тело. Вдруг резкий порыв ветра сорвал

простыню. Ветка подо мной хрустнула, и всё вокруг заволокла туманная пелена. Стукнувшись обо что-то, я проглотил черешню прямо с косточкой.

Я полетел вниз, а ветки и листья кружились вокруг меня в странном медленном танце. Черешни подо мной стали прилипать. Ягоды сыпались на меня градом разноцветных пуль и впивались в кожу. Из их косточек мгновенно прорастали упругие побеги, оплетавшие меня как вьюны. На них вдруг начали набухать почки, которые, лопаясь, расцветали крошечными личиками кудрявых ангелов, поющих мне какую-то новую песенку, в которой отчётливо слышались самые нежные голоса природы: шелест реки, птичьи трели, стрекотание жуков и стрекоз. Руки и ноги мои одеревенели, а проникавшими в мои сосуды корневищами я будто вращал в прохладную землю...

Когда я открыл глаза, ангелы уже давно улетели и песни их стихли. На кружеве ветвей заманчиво покачивались, дразня румяными боками, крупные наливные ягоды. Во все стороны по мне тянулись муравьиные тропы. Я был накрыт белоснежной простынёй, а надо мной склонялась какая-то старушка, беззвучно шевеля губами. Меня подняли и закатали в карету «скорой помощи». Машинально рука потянулась к уху. Я снял черешневую серёжку и отправил в рот пару сочных ягод.

